

Kuzmin Y.V., Vasilevski A., O'Malley J.M., Jull A.J.T. The age and the environment of the Paleolithic occupation of Sakhalin Island, the Russian Far East // Current research in the Pleistocene. – 1998. – Vol. 15. – P. 134 – 136.

Morlan R. Technological characteristics of some wedge shape cores in North Western North America and Northeast Asia // Asian Perspectives. – 1978. – Vol. 19 (1). – P. 96 – 106.

Ono Yugo. Ainu Homelands: Natural History from the Ice Age to Modern Times // Ainu: Spirit of a Northern people / Arctic Studies Center, National Museum of Natural History

Smithsonian Institution in association with University of Washington Press. – Los Angeles, 1999. – P. 32 – 38.

Ota Y., Machida H. Quaternary sea-level changes in Japan // Sea level changes / Eds. M.J. Tooley, I. Shennan. – L.: Institute of British Geographers, 1987. – P. 182 – 224.

Reexamination of the Yubetsu Technique and Study of Horokazawa Toma Lithic Culture / Ed. by Kimura Hideaki. – Sapporo: Sapporo University, 1992. – 54 p. (Engl. and Jap.).

Материал поступил в редколлегию 13.02.03 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.4

В.И. Ташак

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: tashak@burnet.ru*

ОЧАГИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПОДЗВОНКАЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Введение

В современном палеолитоведении наблюдается несколько исследовательских направлений, призванных дать ответы на вопросы о времени зарождения, характере и путях развития археологических культур каменного века. Безусловно, приоритетным является изучение морфологии и типологии каменных орудий, а также технологии их производства. Явное доминирование этих направлений зачастую обусловлено тем, что основным и подчас единственным объектом антропогенного происхождения на многих археологических памятниках остаются сами каменные артефакты. Другая информация, в т.ч. о первичных условиях их захоронения в отложениях, оказывается утерянной в силу естественных причин, в первую очередь, активизации геологических процессов. Подавляющее большинство палеолитических местонахождений Западного Забайкалья древнее 20 тыс. лет расположено на подгорных шлейфах, конусах выноса и террасовидных уступах горных склонов. Указанная особенность приводила к тому, что значительная часть палеолитических объектов подвергалась разрушительному воздействию денудационных процессов. В этой ситуации особую актуальность приобретает детальное изучение сохранившихся структурных элементов стоянок и поселений. Они могут быть как простыми (очаги, кострища, хозяйственные ямы, клады, обкладки периметра жилого пространства, "мусорные кучи", места обработки каменного или костяного сырья, зольные выбросы и пр.), так и сложными (напр., жилища, включающие в себя простые структурные элементы в различных сочетаниях).

Изучение подобных элементов палеолитического поселения позволяет достаточно уверенно реконструировать его целостную структуру и обратиться к исследованию поведенческой стратегии древнего населения не только в хозяйственной деятельности, но и в духовной сфере.

Открытый в 1991 г. палеолитический памятник Подзвонкая, расположенный на востоке Кяхтинского р-на Республики Бурятия, относится к тем археологическим объектам, на которых выявлены сохранившиеся структурные элементы организации пространства древнего поселения. Первоначально местонахождение рассматривалось как небольшой участок с археологическим материалом эпохи верхнего палеолита, локализованный в глубине амфитеатрообразной западины гористого левого борта неширокой долины речки Тамир в западных отрогах Тамирского хребта (рис. 1). Ежегодные работы, проводившиеся внутри амфитеатра в 1991 – 2000 гг., показали, что территория памятника не ограничивается первоначально определенной площадью в 100 × 50 м [Ташак, 1996]. На сегодняшний день выяснено, что вся территория присклоновых шлейфов южной экспозиции от пойменной части долины до восточных склонов, замыкающих амфитеатр, была обитаемой в эпоху ранней стадии позднего палеолита [Ташак, 2002]. Площадь памятника, вписанного в рамки локальной геоморфологической структуры – амфитеатра, делится на части микрорельефом этой структуры. За время полевых работ здесь исследованы четыре локальных участка, где в геологических слоях содержались археологические и палеонтологические материалы. Участки названы комплексами: Восточный, Западный, Юго-Восточный и Нижний. Наибольший

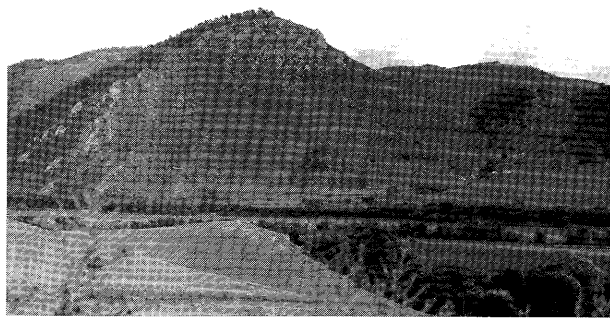

Рис. 1. Вид на памятник Подзвонкая с запада.

интерес в плане изучения структуры древнего поселения представляют два из них – Восточный и Юго-Восточный. В предлагаемой работе детально рассматриваются очаги и кострища 3-го культурного горизонта Восточного комплекса и предложена интерпретация особенностей их сочетания с археологическими и остеологическими материалами.

Структурные элементы третьего культурного горизонта Восточного комплекса

Третий культурный горизонт Восточного комплекса Подзвонкой полностью вскрыт на площади 25 м². Первичный анализ планиграфических и стратиграфических данных показывает, что поселение располагалось на слабонаклоненной площадке на поверхности подгорного шлейфа. С южной стороны она ограничена склоновой ложбиной, сформированной между двумя подгорными шлейфами еще в древности.

На раскопанном участке (5 × 5 м) 3-й культурный горизонт делится невысоким и сглаженным уступом высотой 15 – 25 см на южную и северную части. Мощность культурного горизонта варьирует в пределах 20 – 30 см в северной и 50 – 60 см в южной части. Южная изобилует зольными напластованиями, в северной – зольные пятна фрагментарны и маломощны. Находки по территории распределяются неравномерно, большинство их обнаружено в южной части. Насыщенность 3-го культурного горизонта в зоне раскопа значительна – около 5 тыс. каменных артефактов и более 5 тыс. костных остатков животных. Большая часть костей представлена мелкими неопределимыми обломками. Поверхность культурного горизонта подвергалась различным разрушениям, часть из которых происходила еще в древности, сразу после того, как люди оставили поселок. Эти разрушения выражены в следах промоин, заполненных золой, перемешанной с грунтом, костями животных и каменными артефактами. Вторая группа разрушительных воздействий на уже погребенный куль-

турный горизонт была вызвана процессами солифлюкции и криогенеза. Морозобойные клинья, заложенные с уровня расположенных выше литологических слоев, были маломощными, и их воздействие выражено слабо или фрагментарно. Солифлюкционные процессы приводили к обширным подвижкам грунта, затронувшим кровлю культурного горизонта, что привело к перемещению части археологических и остеологических материалов вниз по склону. Все структурные элементы древнего поселения зафиксированы в подошве и в среднем уровне 3-го культурного горизонта. Это скопления каменных артефактов возле плоских скальных обломков, которые могут рассматриваться как места обработки каменного сырья и изготовления орудий (производственные площадки), зольники и очаги.

Всего на рассматриваемой площади Восточного комплекса раскопано пять очагов и кострищ (рис. 2). Из них три являются многослойными, т.е. представляют собой стратиграфически сложные объекты, состоящие из нескольких простых, наложенных друг на друга. Отдельные уровни каждого из них могут представлять собой как очаг, имеющий каменную обкладку или приочажные камни, так и кострища без искусственных границ. Такие многослойные объекты названы очагами-кострищами.

Очаг № 1, обнаруженный в 1997 г. на границе кв. Б-3, 4, представляет собой однослойный объект 0,9 × 0,65 м с каменной обкладкой, состоявшей из двух плит зернистой структуры. Сверху по длинной оси по линии СВ – ЮЗ очаг был перекрыт крупным продол-

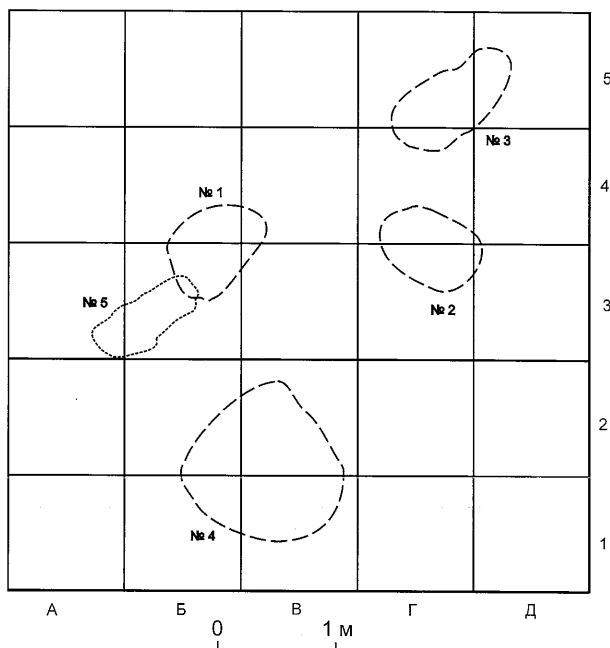

Рис. 2. Схема расположения очагов в раскопе Восточного комплекса (верхний уровень).

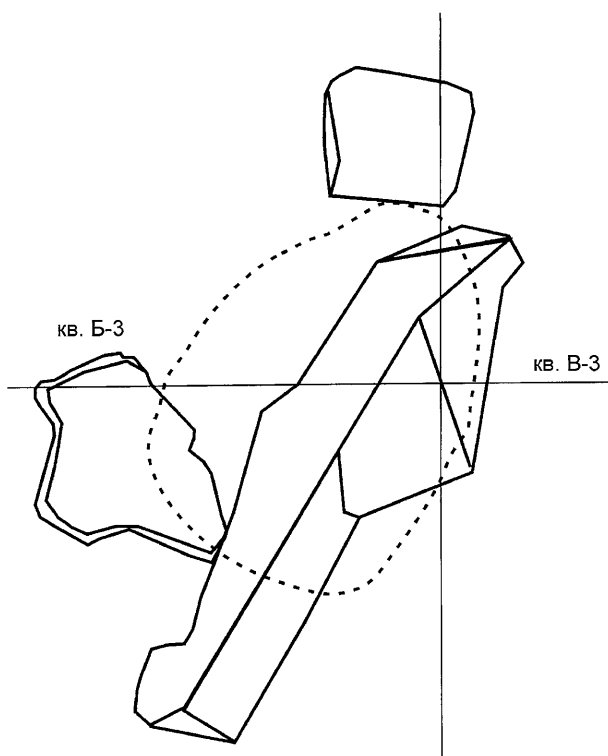

Рис. 3. Очаг № 1 с очажной ямой, перекрытой скальным обломком.

говатым скальным обломком (рис. 3). Огонь развился в ямке овальной формы глубиной до 10 см, вероятно, искусственного происхождения. После прекращения использования очага центральная его часть была очищена от продуктов горения до уровня прокаленного дна, имевшего насыщенный красный цвет. Затем на прокаленный грунт плоской стороной была уложена крупная лопатка животного, вероятно оленя. Лопатка более мелкого животного (косули ?) частично лежала на прокаленном дне, а частично перекрывала лопатку оленя и была пробита острием из грифельной кости. Острие треснуло поперек еще в древности, возможно, от удара или в результате придавливания содержимого очажной ямы скальным обломком, которым был накрыт очаг. Рядом с лопатками лежал фрагмент позвоночника оленя, позвонки которого сохранили свое анатомическое положение, а также передний фрагмент нижней челюсти лошади и головка трубчатой кости (рис. 4). Плиты из обкладки и камень, перекрывавший очаг, растрескались. Возможно, структура камня оказалась ослабленной из-за постоянного воздействия высокой температуры костра, а последующие механические и химические воздействия довершили процесс внутреннего разрушения. Остальные камни в зоне раскопа, не связанные с очагами, таким разрушениям не подвергались.

Рис. 4. Очаг № 1. В центре расчищенное заполнение очажной ямы.

Остатки кострища, по-видимому, имевшего каменную обкладку и получившего обозначение “очаг № 2”, были обнаружены в 1,5 м восточнее очага № 1 на границе кв. Г-3, 4 и частично на стыке кв. Д-3, 4. Кострище подверглось интенсивному размыванию, поскольку было расположено на самом краю уступа, делящего зону раскопа на южную и северную части. Как и в первом случае, очаг был представлен углублением с прокаленным от горевшего здесь огня дном. В процессе расчистки установлено наличие второго уровня. Остатки золы и углей в углублении первого уровня фиксировались в незначительном количестве и в основном по краям. Говорить совершенно определенно о том, что дно верхнего уровня очага № 2 очищалось, так же как дно очага № 1, не представляется возможным ввиду его плохой сохранности. Наиболее важной деталью, отмеченной в ходе расчистки очажного углубления, является лежавший здесь фрагмент позвоночника животного с позвонками в анатомическом порядке. Кроме того, кострище наполовину было перекрыто крупной каменной плитой, которая до этого могла быть элементом обкладки. С восточной стороны границы очажной ямы размывы, ее размеры определяются в пределах $0,9 \times 0,6$ м. Второй уровень очага № 2 представлял собой четко очерченное овальное углубление (до 10 см) с интенсивно прокаленным грунтом на дне, заполненное небольшим количеством углей и золы.

В 0,9 м севернее очага № 2 находился очаг № 3, восточная сторона которого также подверглась разрушению – камни обкладки сдвинуты в “чашу” кострища, северо-восточный край деформирован и частично размыв, но в целом сохранность этого очага значительно лучше предыдущего. Два крупных камня с юга и северо-востока от кострища, вероятно, служили обкладкой. По хорошо сохранившемуся фрагменту видно, что ложе костровой ямы в юго-западной части было очищено от золы и углей. На по-

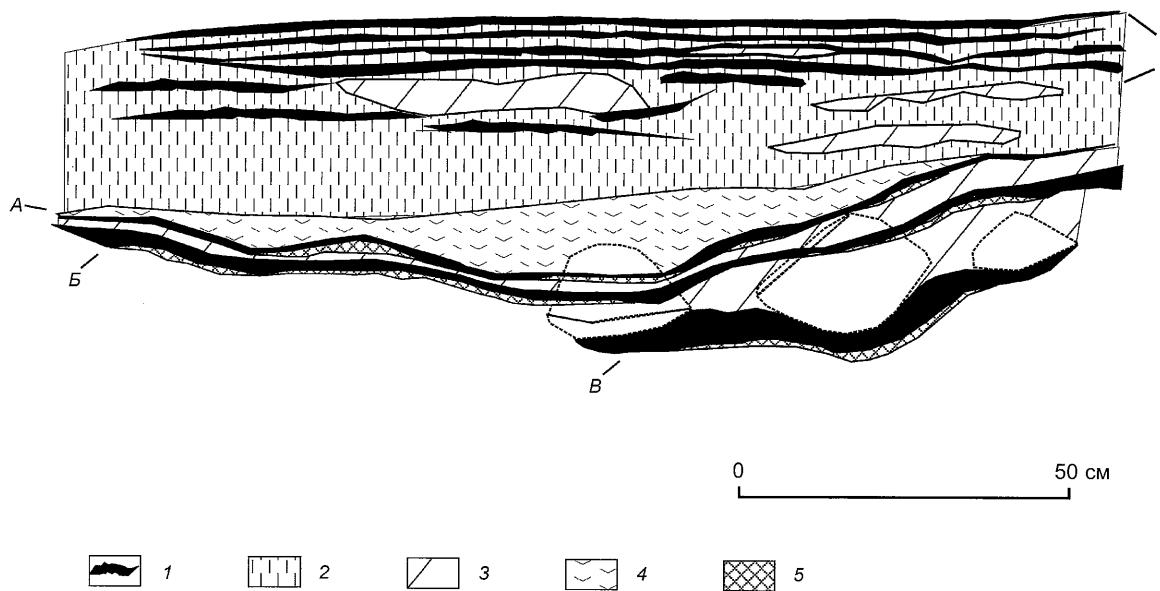

Рис. 5. Стратиграфический разрез многослойного очага № 4 и углисто-зольных напластований, под которыми он погребен, по линии В – 3.

А – верхний уровень; Б – средний уровень; В – нижний уровень; Г – углисто-зольные напластования.

1 – углисто-зольные напластования; 2 – заполнение культурного горизонта; 3 – стерильные суглинки;

4 – зольное заполнение очажной ямы верхнего уровня; 5 – костровой провал почвы.

верхности прокаленного грунта красного цвета лежала лопатка крупного животного, вероятно лошади, в центре очага – кости конечности парнокопытного животного в анатомическом порядке. Размеры очага по распространению прокаленного грунта и пятна золы с углями составили $1,2 \times 0,6$ м. Длинной осью кострища ориентировано по линии ВСВ – ЗЮЗ.

Очаг № 4 обнаружен на стыке кв. Б-1, 2 и В-1, 2. По мере раскапывания культурного горизонта в указанных квадратах были отмечены мощные напластования золы и углей, повсеместно подвергшихся размыву, отраженному в раскопе в виде следов микропромоин. Под зольно-углистой толщей находился погребенный еще в древности многоярусный очаг-кострище (рис. 5), располагавшийся в округлом углублении диаметром до 1,5 м. Верхний уровень очага четко выражен углистой линзой с подстилающими ее яркими пятнами прокаленного грунта. Внутри кострища оказались сдвинутыми крупные камни, некоторые из них могли служить обкладкой очага. В середине зольно-углистой линзы в анатомическом порядке лежали кости двух фрагментов конечностей мелкого животного. Средний уровень очага отделялся от верхнего прослойкой чистого, хорошо отмывтого суглинка. Ее мощность варьировала от 1 см в центре до 7 см по краям. Этот уровень представлен тонкой углистой линзой овальных очертаний, подстилаемой прокаленным грунтом, ее размеры $1,2 \times 0,90$ м. В центре чашевидного углубления кос-

трища находились три камня, густо обсыпанные охрой. Нижний уровень очага № 4 представлен “классической” формой – кострищем с каменной обкладкой по периметру. Эта овальная конструкция размером $0,85 \times 0,5$ м длинной осью ориентирована по линии СВ – ЮЗ. В ее центре, практически занимая все внутреннее пространство между камнями обкладки, находился крупный скальный обломок, положенный сюда после прекращения функционирования очага (рис. 6, 7).

Очаг № 5 располагался в кв. А-2, 3 – Б-2, 3. Данный объект также состоял из нескольких уровней. Верхний представлен ровной без углублений углистой линзой овальных очертаний, размером $0,5 \times 0,45$ м. Обкладкой кострища служили два камня с восточной и северной стороны (рис. 8). Средний уровень очага № 5 в центре сливается с верхним, а затем, резко опускаясь по краям, практически ложится на нижний уровень, повторяя его очертания (рис. 9). Нижний и средний уровни представляют собой маломощные углистые линзы, подстилаемые ярким кирпичного цвета прокалом грунта. Размеры кострища, ориентированных длинной осью по линии СВ – ЮЗ, $0,9 \times 0,45$ м. В юго-западной части зоны сильно прокаленного грунта средний уровень кострища поднимается над нижним до 15 см (рис. 9). Пространство между ними заполнено зольно-углистой массой. На юго-восток распространяется зона слабопрокаленного грунта (рис. 10). По ее границе размеры нижнего уровня составляют $0,9 \times 0,6$ м.

Рис. 6. Нижний уровень очага № 4. В центре очажной обкладки крупный камень.

Рис. 7. Нижний уровень очага № 4. Очажная обкладка после удаления камня, перекрывающего очажную яму.

Рис. 8. Очаг № 5. В центре очаг вскрыт до нижнего уровня с плоской речной галькой и костью голени копытного животного, положенной на нее.

На прокаленное вогнутое дно нижнего уровня помещена крупная плоская речная галька. На верхней плоскости камня, густо посыпанного охрой, лежали кость голени лошади и грифельная косточка, сохра-

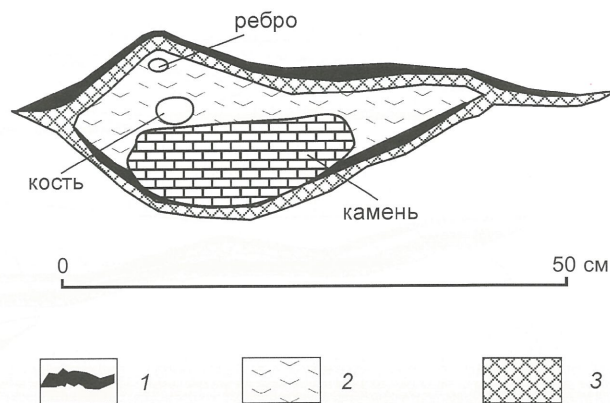

Рис. 9. Схема соотношения среднего и нижнего уровней очага № 5 (разрез по линии С – Ю).

1 – углистые слои; 2 – зольное заполнение между средним и нижним уровнями; 3 – костровой провал грунта.

нившие анатомически правильное взаиморасположение. Севернее камня находилось ребро животного (олени?) наподобие свода, возвышающегося над нижним уровнем. Линза углей и прокаленного грунта среднего уровня проходила в 1 – 1,5 см над ребром, т.е. оно оказалось не затронутым огнем. На верхней плоскости ребра отмечены четыре глубокие поперечные насечки, нанесенные каменным инструментом, и целая серия мелких штрихов, которые могут быть случайными. Завершая краткую характеристику очага № 5, следует сказать, что на краю его нижнего уровня с юго-восточной стороны найден обломок ребра оленя с систематическими ритмично чередующимися насечками.

Высотное взаиморасположение очагов № 1 и 5, края которых в горизонтальной проекции соприкасаются, но в вертикальном разрезе разделены мощным слоем грунта, показывает, что эти очаги функционировали в разное время.

Данные о характере залегания стратиграфических уровней очагов и их строении позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся времени функционирования каждого отдельного объекта и всего поселения в целом. Третий культурный горизонт Восточного комплекса представляется сплошным, но частично разрушенным в результате активных склоновых подвижек грунта. Важным является установление факта этапности формирования этого горизонта. Дискретность функционирования очагов № 2, 4, 5 ясно прослеживается по их стратиграфическим подразделениям. Наиболее ярко прекращение и возобновление функционирования отдельных объектов демонстрируется разрезом очага № 4, где наблюдается последовательное залегание друг над другом трех уровней, разделенных стерильными прослойками. Причем накопление стерильной суглинистой прослойки между

верхним и средним уровнями было недолгим. Скорее всего, это происходило в рамках жизни одного поколения. По современным наблюдениям, проводившимся в ходе раскопок поселения, натекание глинистого слоя мощностью 0,5–1,0 мм на дно раскопа происходит в результате сильного дождя, длящегося 3–4 ч. В углублениях этот показатель достигает 1,5–2 мм. Следовательно, серия таких дождей могла привести к образованию стерильных прослоек до 1–2 см менее чем за один летний сезон. Возвращение людей на место стоянки приводило к быстрому уничтожению (вытаптыванию) стерильной прослойки и перемешиванию ее с уже накопленными культурными отложениями почти по всей поверхности площади обитания. Стерильные отложения сохранялись лишь там, где никто не ходил, — под очагами и кострищами.

Высотное взаиморасположение очагов № 1 и 5 свидетельствует о более длительном промежутке времени между этапами их функционирования. Выявленные в ходе раскопок напластования зольных и углистых отвалов, скопившихся над очагом № 4 и частично над очагом № 5, появились в результате систематической очистки очагов № 1 и 2. То есть в тот момент, когда использовался очаг № 1 и верхний уровень очага № 2, очаги № 4 и 5 уже находились в погребенном состоянии. Важно отметить, что никаких выбросов золы и углей севернее очагов № 1 и 2 не наблюдается.

Изучение таких структурных элементов Восточного комплекса поселения Подзвонка, как очаги, показывает, что не все объекты 3-го культурного горизонта были одновременными. Последнее обстоятельство не дает нам оснований выделять здесь крупные многоочажные жилища, известные на памятниках евразийских местонахождений конца среднего — начала позднего палеолита.

Очаг как объект обрядовой деятельности

Реконструировать восприятие людьми эпохи палеолита природной и социальной среды гораздо сложнее, чем их хозяйственную деятельность. Тем не менее это возможно, если основываться на сохранившихся материальных свидетельствах. Синкретичность восприятия окружающей среды и общества древним чело-

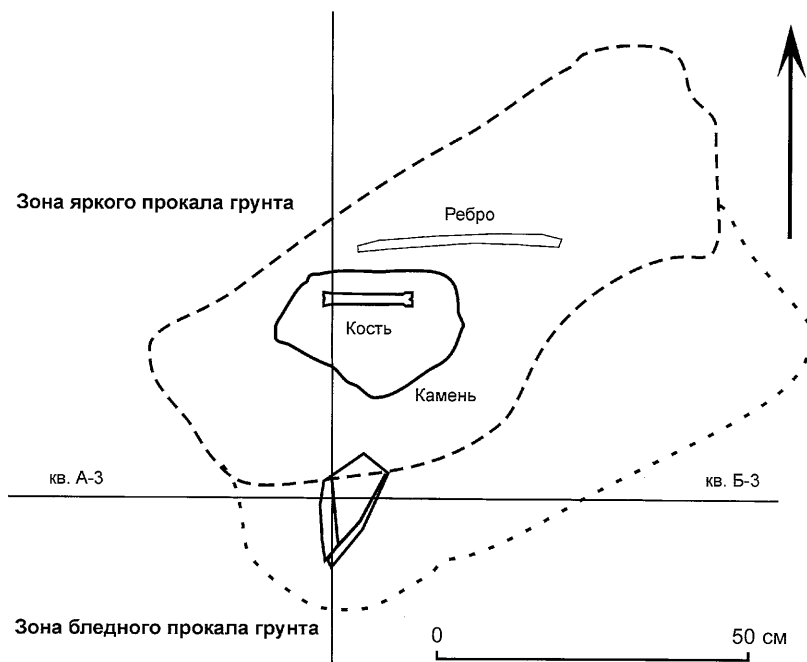

Рис. 10. Схема кострового прокала грунта.
Нижний уровень очага № 5.

веком отражалась в различных ритуалах и обрядах. Безусловно, ранняя обрядовая деятельность человека свидетельствует о зарождении религиозного мировосприятия: «Религиозные верования... всегда бывают связаны с определенными обрядами, то есть культовой (либо магической) практикой» [Токарев, 1990, с. 383].

Особенности очажных ям и их заполнений в 3-м культурном горизонте Восточного комплекса Подзвонкой позволяют обратиться к духовным аспектам поведения древнего населения Западного Забайкалья, поскольку отражают действия людей, не связанные с прямым назначением очагов. По моему мнению, здесь четко прослеживается обрядовая деятельность, характеризующая отправление определенных культов.

Выделим всю совокупность элементов и данных, не имеющих отношения к утилитарному использованию очагов и кострищ.

1. Очажные ямы очагов № 1 и 3 очищены от золы и углей. В первом почти полностью, во втором — юго-западная часть. Сам факт очистки очага вполне ординарное явление, но в данном случае она производилась по окончании его использования.

2. На очищенные прокаленные ложа очагов № 1 и 3 были положены лопатки животных.

3. В очаге № 1 и верхнем уровне очага № 2 зафиксированы фрагменты позвоночников животных с позвонками в анатомическом порядке. В очаге № 3 и верхнем уровне очага № 4 находились кости конеч-

ностей животных также в анатомическом порядке. Это возможно лишь в том случае, если кости были связаны мягкими тканями, т.е. на них оставалось мясо. В очажные ямы могли, конечно, попасть случайные предметы, в т.ч. и кости животных, тем более что поселение было обитаемым и после прекращения функционирования очагов. Но в этой связи следует отметить, что за пределами очагов фрагменты скелетов животных, сохраняющие анатомический порядок, до сих пор не встречены. Кроме того, все кости, зафиксированные в очагах, не несут на себе следы воздействия огня. Обожженные кости встречаются на поселении лишь в зольных отвалах.

4. В очаге № 5 на поверхности крупного плоского камня, окатанного в реке, лежали кость голени лошади и грифельная косточка, сохранившие анатомически правильное взаиморасположение. По всей видимости, они также были связаны мягкими тканями.

5. В нижнем уровне очага № 5, среднем очага № 4 и в очаге № 3 отмечены камни, плоские поверхности которых были густо посыпаны охрой. Все камни до попадания в очаги использовались: крупная галька в очаге № 4, вероятно, служила “жаровней”; почти квадратный обломок такой же гальки в очаге № 3 – наковаленкой; конусовидные камни из очага № 4 были терочником и отбойником.

6. После прекращения функционирования очага перекрывались крупными камнями. Это четко фиксируется в очаге № 1 и нижнем уровне очага № 4. Предположительно такую же роль играли крупный скальный обломок, частично закрывший верхний уровень очага № 2, и небольших размеров плитчатый скальный обломок, помещенный в центр очага № 3. Подобного рода назначение имело и ребро оленя, перекрывшее нижний уровень очага № 5.

Представленный список не содержит единичных случаев. Каждый признак зафиксирован, как минимум, дважды. Исключение составляет ребро оленя в очаге № 5, но положение его настолько оригинально, что нет никаких сомнений в неслучайности его размещения.

Вся совокупность элементов, связанных с очагами, указывает на определенную последовательность действий древних обитателей поселения, которые можно рассматривать как обряд захоронения очага после прекращения его функционирования. Центральная часть очагов перекрывалась крупными скальными обломками и лопатками животных, совершался обряд подношения костей животных с сохранившимся на них мясом. Причем жертвенные части не были мясистыми, соблюдалось лишь обязательное действие без большого расхода пищевых запасов. Наличие охры на камнях, намеренно положенных в чаши очагов, – также важная часть обряда захоронения очага. И наконец, при разжигании огня на прежнем месте старый очаг не расконсервировался.

Насколько правомерно такое предположение? В большинстве работ, посвященных описанию структур культурных горизонтов с выявленными жилищно-бытовыми комплексами эпохи палеолита, подчеркивается, что археологические материалы сосредоточены рядом с очагами, которые тем самым обозначаются как центры жизнедеятельности в древних поселениях. По всей видимости, такое видение роли очага не лишено веских оснований. До настоящего времени у коренных народов Центральной, Северной и Северо-Восточной Азии сохранились обряды почитания огня. В системе верований этих народов огонь, горящий в очаге, рассматривается как частичка небесного и потому священного огня [Галданова, 1987]. Он представляется очищающей и оберегающей субстанцией, дающей благоденствие и жизненную силу, но при соблюдении определенных обрядов [Цыбиков, 1991, с. 162 – 163]. Вместе с тем предметом поклонения, например, у монгольских народов является не огонь вообще, а тот, который в очаге. Именно ему приносятся жертвоприношения в виде кусочков пищи и напитков. Очаг в традиционных верованиях выступает как хозяин огня, которому поклоняются [Михайлов, 1987, с. 75]. Говоря о культе очага у чукчей (во время осеннего убоя оленей они бросают кусочки мяса семейному очагу), С.А. Токарев указывает на его архаичность [1990, с. 592].

Такого рода обряды широко распространены и корнями уходят в глубокую древность, но они не оставляют материальных свидетельств. Для каменного века необходимы дополнительные данные.

В палеолите проявлением культа очага являются известные скульптурные изображения женщин – палеолитические “венеры”. По интерпретации С.А. Токарева [Там же, с. 555], эти фигурки олицетворяют “хранительниц, хозяек очага”. Принимая такое толкование, следует признать, что очаг, имевший “хранительницу” или “хозяйку”, был почитаемым местом. Вообще сакрализация очага происходит еще в пору среднего палеолита. Например, в пещере Ветерница в Хорватии два из трех особым образом размещенных черепов пещерных медведей находились в скальных нишах, а третий – в очаге [Скленарж, 1987, с. 169]. Такие черепа в скальных нишах или специально сооруженных каменных тайниках характерны для многих горных районов Европы и рассматриваются как свидетельства культа пещерного медведя. В данном случае интересно то, что очаг был приравнен к нишам, помещение в этот очаг черепа придало ему особый сакральный статус.

Большинство палеолитических очагов Европы и Азии содержало разнообразные находки, но как они попали туда – остается, как правило, неясным. В этой связи вызывают интерес кострища на стоянке Пуш-

кари-1. В центре каждого из них находились вертикально воткнутые в дно в первом обожженная кость мамонта, во втором ребро. В последнем в двух местах по краям были еще вертикально воткнуты две кости [Борисковский, 1953, с. 188 – 189]. Если кости, расположенные по краям, можно рассматривать как опоры для перекладки над костром, то ребро в его центре оказалось уже после того, как огонь погас. Кость мамонта из первого кострища, если и была в действующем очаге, то недолго, иначе она бы просто сгорела.

Расположение в очаге жилища Долни Вестониче II большого количества фрагментов зооморфных и антропоморфных фигурок из обожженной глины [Елинек, 1982, с. 231] также не случайно. Даже если жилище было мастерской, показательно, что изделия сложены в очаг, а не находились рядом или были выброшены. В кострищах Мезинской стоянки П.И. Борисковский отмечает обилие уникальных находок – “костяных орудий и произведений искусства”, при этом часть из них попала туда после того, как кострища прекратили функционирование [1953, с. 248]. Вполне вероятно, что некоторые изделия были помещены в зольники кострищ намеренно.

Выводы

Рассмотренные данные позволяют остановиться на двух основных выводах.

1. На палеолитическом поселении Подзвонка люди жили периодически, возможно, оно носило сезонный характер. Отдельные структурные элементы памятника позволяют предположить, что одна и та же группа населения в течение ряда сезонов останавливалась на одном и том же месте. В целом местность Подзвонка в начале верхнего палеолита была обитаемой длительное время, что привело к постепенному погребению ряда ранних структурных элементов древнего поселка под бытовыми отходами, оставляемыми последующими поколениями жителей.

2. Повторяемость идентичных или сходных по ряду признаков находок, обнаруженных непосредственно в очагах и кострищах поселения Подзвонка, как и специфика залегания предметов в этих объектах, указывают на то, что они оказались здесь не случайно. Данный факт предполагает преднамеренные действия, совершавшиеся палеолитическими жителями в отношении очагов и кострищ после прекращения их функционирования. Очевидно, что они носили обрядовый характер и были направлены на место, где горел огонь, а не на сам огонь, поскольку отдельные кости и фрагменты скелетов животных были помещены в очаги после того, как в них перестали разводить огонь.

Предложенное толкование материалов в кострищах и очагах Восточного комплекса Подзвонкой не единственный пример ранней обрядовой деятельности в Забайкалье. Так, на палеолитическом поселении Варварина Гора обнаружено культовое захоронение костей животных: в ямке с дном, выложенным камнями, находились череп хищника и целые кости лошади [Окладников, Кириллов, 1980, с. 32]. Все это позволяет считать, что палеолитический человек развивал потребности осмысления явлений окружающего мира и разрабатывал поведенческие стратегии и тактику в отношениях с этим миром на уровне духовного общения.

В каком хронологическом диапазоне функционировали очаги и совершались обрядовые действия, связанные с культом очага? Каменная индустрия Подзвонкой основана на развитии подпризматической и призматической техник расщепления сырья с сохранением значительной роли плоскостного (леваллуазского) раскалывания. Выражена здесь и тенденция развития верхнепалеолитических форм орудий (краевые скребла, ножи, острия на пластинах, резцы, тесла) при наличии некоторого количества выразительных изделий, характерных для среднего палеолита (угловатые скребла *déjeté*, асимметричные мустьерские остроконечники и пр.). Все это позволяет отнести памятник к раннему этапу верхнего палеолита. Такому определению возраста не противоречат данные радиоуглеродного датирования. По образцу кости, взятому с уровня очага № 1 в Восточном комплексе, получена дата $38\,900 \pm 3\,300$ (AA-26741), которая согласуется с серией дат, определенных для других комплексов, и указывает на время функционирования поселения ок. 40 тыс. л.н. В таком случае мы сталкиваемся с одним из древнейших проявлений культа очага или определенных обрядовых действий, направленных на очаг, которые имели место на юге Западного Забайкалья в начале верхнего палеолита.

Исследования, проведенные на других комплексах поселения Подзвонка, показали, что наблюдаемое явление не ограничивается рамками одного Восточного. На других объектах основной проблемой является лишь плохая сохранность слоев, содержащих археологический материал. Тем не менее в Юго-Восточном комплексе в рамках очага, смятого солифлюкцией, зафиксированы обкладка из крупных плиток, окатанных в реке, фрагмент челюсти лошади и кости конечности парнокопытного животного, последние лежали вместе, а часть их сохраняла анатомический порядок расположения. Подобного рода проявления обнаружены и в Нижнем комплексе. Следовательно, можно говорить об единой культурной традиции. Теперь это утверждение основывается не только на данных морфологического и технологического анализа каменной индустрии, но и на свидетельствах, отразивших духовные аспекты поведения обитателей поселения Подзвонка.

Список литературы

Борисковский П.И. Палеолит Украины. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 464 с. – (МИА; № 40).

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 154 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Скленарж К. За пещерным человеком. – М.: Знание, 1987. – 272 с.

Ташак В.И. Палеолитическое поселение Подзвонкая // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во Читин. пед. ин-та, 1996. – С. 48 – 69.

Ташак В.И. Подзвонкая: палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2002. – С. 25 – 33.

Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Изд-во пол. лит., 1990. – 622 с.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. – Новосибирск: Наука, 1991. – Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. – 232 с.

Материал поступил в редколлегию 15.05.03 г.